

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕПУТАЦИЯ В. Г. БЕНЕДИКТОВА LITERARY REPUTATION OF V. G. BENEDIKTOV

Аннотация: В статье рассматривается драматичная судьба талантливого, но незаслуженно забытого самобытного поэта переходной эпохи 30-х годов XIX века, долгое время находившегося на периферии исследовательских предпочтений. На сегодняшний момент внимание к незаурядной личности поэта-романтика всё более возрастает и вызывает определённый научный интерес.

Ключевые слова: литературная репутация; творческая индивидуальность; эволюция творчества; новаторство.

Abstract: The article considers the complex and dramatic fate of the talented and original Russian romantic poet V. G. Benediktov, unjustly forgotten and long remained on the sideline of the research surveys and investigations. Nowadays the attention to this outstanding personality, the original and colourful work of the poet becomes actual and arouses a growing scientific interest.

Keywords: literary reputation; the creative personality; evolution; innovation.

Судьба поэтического гения В. Г. Бенедиктова поистине удивительна и противоречива. Оглушительный успех небольшого сборника стихотворений, вышедшего в 1835 году, затмил на короткое время славу самого А. С. Пушкина. После, по словам Б. В. Мельгунова, «развенчанный и низведённый реалистической критикой до уровня третьестепенных, „новый поэт“ – Бенедиктов обрёл репутацию поэта „прежней“, риторической школы» [8, с. 5]. А спустя четверть века – уже не настолько сенсационное, но более прочное реноме «поэта-гражданина», также поблекшее уже к середине 1860-х годов. Впоследствии – уже на закате жизни – почти полная безвестность, неприязненное обращение «поэт-чиновник» и литературное ругательство, образованное от его фамилии – «бенедиктовщина».

Литературная репутация писателя – категория лабильная, обуславливаемая многими причинами: от эволюции самого писателя до изменений отношения к литературе в обществе в целом и эволюции читательских литературных ожиданий в частности.

Литературный процесс середины XIX века – явление сложное и во многом противоречивое. Именно в это время, в краткий промежуток между «завершившимся расцветом романтической поэзии и торжеством безыскусной „поэзии действительности“» [1, с. 5] зазвучал дисгармоничный голос В. Г. Бенедиктова.

1830–1840-е годы – период формирования новых литературных предпочтений и ожиданий. В конце 1830-х в «воздухе» носилось предощущение: очень скоро миру будет представлен Новый Поэт, новый лидер поэтического движения, который вдохнет в мир поэзии свежее дыхание новых художественных идей.

Признанным лидером в 1820-е годы был А. С. Пушкин, однако, когда на авансцену вышел В. Г. Бенедиктов, к пушкинскому дарованию читающая аудитория заметно охладела. Стали даже поговаривать об «упадке таланта», «прозаизме» признанного гения. Еще молодой В. Г. Белинский в 1834 провозгласил «закат» пушкинского периода русской литературы. «В наше время, – отмечал он в 1835 году, – холодное прозаическое время надо в поэзии огня да огня, иначе нас трудно разогреть» [3, с. 326].

Эпоха Пушкина завершилась, настало переходное время с характерной суетой, разноголосицей мнений и путаницей мод, проза постепенно вытесняла поэзию. Апогей романтизма уже прошёл и медленно угасал, а на передний план выдвинулась волна эпигонства и «массовой» литературы, основанной на подражательности, смешении стилей, поэтических штампах. И. Розанов в своей книге «Литературные репутации» объясняет перемену литературных предпочтений как изменением социального состава читателей в этот период, так и изменением места поэзии в целом: «Для стихотворцев <...> было два выхода: или в своих стихах идти навстречу прозе, или изобрести какие-нибудь новые сильнодействующие средства – допинг, чтобы возбудить снова уже заплетающийся и вялый „язык богов“. По первому пути пошел Пушкин и встретил недоумение и недовольство» [11, с. 64].

Другой исследователь творчества В. Г. Бенедиктова А. Н. Архангельский в статье «Странная гармония (Поэт В. Г. Бенедиктов)» раскрывает другие мотивы возникшего неприятия творчества А. С. Пушкина. По его мнению, великого поэта читатели «воспринимали (роковым образом обманываясь) как лирика эмоционального, пластичного, гармонически совершенного, но неглубокого. По принципу противоположности его „преемником“ суждено было стать поэту дисгармоничному, нервно-выразительному, напряженно мыслящему» [1, с. 8]. Читающая публика как бы формировала образ лирического героя «Нового Поэта», которому была свойственна дисгармония, внутренний разлад, насыщенность образов. Именно в этот сложный период в истории литературы В. Г. Бенедиктов взял на себя тяжелую миссию со своим манифестированием в стихе идеи, мысли, с непривычно выразительным синтаксисом, с использованием слов в новом, необычном значении и стал выразителем ожиданий читающей публики.

«Российская публика 30-х годов, – как отмечает Л. Я. Гинзбург, – потребители и заказчики литературной продукции, сменившие избранных читателей 10–20-х годов – была достаточно пёстрой по своему социальному составу» [5, с. 160]. Говоря о читательской аудитории В. Бенедиктова, В. Э. Вацуро указывает, что это «та же среда образованного чиновничества, литературно-театральной богемы, провинциального и мелкого столичного дворянства, на которую ориентировался журнал «Библиотека для чтения», печатавшего опыты самого

Бенедиктова и его последователей» [4, с. 377]. А И. Панаев писал, желая засвидетельствовать успех Бенедиктова у публики: «Появление стихотворений Бенедиктова произвело страшный гвалт и шум не только в литературном, но и в чиновничьем мире. И литераторы и чиновники петербургские были в экстазе от Бенедиктова» [9, с. 116].

Это неоспоримый факт – вокруг имени Бенедиктова сформировалось особое коллективное мнение читателей: это новая звезда первой величины. Во второй половине 1830-х годов поэзией Бенедиктова восхищались как представители старшего поколения: В. Жуковский, П. Вяземский, А. Тургенев, сосланный в Сибирь Н. Бестужев, так и современные поэты и критики: Ф. Тютчев, С. Шевырѐв, П. Плетнѐв, А. Краевский, О. Сенковский, а также молодые писатели: А. Фет, А. Григорьев, Я. Полонский, И. Тургенев, Т. Грановский, Н. Некрасов. Все единодушно сравнивали его с Пушкиным и радовались: «вот он, „повыше Пушкина поэт“, „поэт мысли“», как поименовал его критик С. Шевырѐв [7, с. 24]. Появилось множество рецензий и отзывов, только укреплявших сложившееся читательское мнение о Бенедиктове. Стихи его выдержали несколько изданий, но в одночасье всё вдруг изменилось: насколько оглушительным был триумф поэта, настолько же кратковременным он оказался. Как справедливо замечает В. И. Сахаров, «такой успех поэта не мог быть продолжительным, кумиры и репутации рушились тогда быстро» [12, с. 6].

Однако успех этот был столь велик, что и по настоящее время является классическим примером внезапной громкой славы. Чем же можно объяснить то невиданное признание, которое досталось Бенедиктову ещё при жизни Жуковского, Пушкина, Баратынского?

Очевидно, никому не известный молодой поэт сумел привлечь всеобщее внимание новым языком и образностью, чего так требовал читательский спрос и чего так не хватало современной поэзии того времени.

Бенедиктов пришёл в литературу не через журнал, а через петербургскую гостиную и светский салон не самого высокого уровня. Б. М. Эйхенбаум отмечает, что «они существовали в быту, конечно, и до этого, но не имели значения литературного факта» [Цит. по: 2, с. 7].

Сборник его стихов за свой счет издал гвардейский офицер и литератор В. И. Карлгоф. Поклонниками нового поэта стали петербургские литераторы, офицеры, чиновники, светские франты, учителя гимназий, студенты – так называемый «массовый» читатель.

В предисловии Карлгофа к первой книге стихов Бенедиктова говорится: «Предлагаемые публике стихотворения написаны молодым человеком, который в первый раз еще выступает в свет с именем литератора. Если бы не случай доставил их нам, то, без всякого сомнения, они надолго, а может быть, и навсегда остались бы в портфеле автора, который писал их просто по призыву сердца, а не из желания снискать известность. Мы, однако же, благодарны этому случаю, он доставил нам удовольствие читать на русском языке стихотворения, в которых есть поэзия» [6, с. 141–143]. Далее выражается надежда, что книга выдержит испытание временем, несмотря на «влияние посторонних причин, содействовавших мгновенному успеху одних творений и временному упадку других», и что

судьба сборника зависит только от него одного, «ибо только в том, чтоб пережить современную похвалу и современное порицание, заключается вся его сила и слава» [6, с. 141–143].

Салон Карлгофов занимал среди литературных объединений 1830-х гг. промежуточное положение – не принадлежал к числу тех, где собиралась светская знать и литературная «аристократия», но был иногда посещаем Жуковским, Пушкиным, Давыдовым.

Испытав первый значительный успех в салоне Карлгофов, впоследствии, по свидетельству Полонского, «Бенедиктов был всюду приглашаем и был знаком почти что со всеми тогдашними литераторами, начиная с отживающего свой век Воейкова и кончая И. И. Панаевым» [10, с. 8].

В создании положительной репутации Бенедиктова большую роль сыграла и статья С. Шевырёва, в которой критик «Московского наблюдателя» воспринял первый сборник Бенедиктова как начало нового периода в истории русской поэзии – периода «духовного», периода «мысли», знаменующего закат пушкинского «периода форм», «периода стихов и пластицизма» [13, с. 167].

Диссонансом в ходе хвалебных рецензий на «Стихотворения» Бенедиктова 1835 года прозвучал спокойный голос молодого В. Г. Белинского. Это явилось первой, пусть ещё не до конца сыгранной сколько-нибудь серьёзную роль в литературной судьбе Бенедиктова, предпосылкой к формированию отрицательной репутации поэта. В лучах славы нового светила российской поэзии – Лермонтова – начал меркнуть Бенедиктов, и с 1842 года стихи его расходились плохо. Этот год стал переломным в его судьбе.

Неожиданно явленный поэт был признан самозванцем, и всю последующую жизнь над ним издевались и глумились с таким злорадством и упорством, с каким не издевались ни над одним русским поэтом. Издевались не только над его стихами, а постоянно залезали в его частную жизнь, бередили душу, старались унижить его как человека.

В. Г. Белинский блестяще талантливо изложил те главные пункты обвинения против Бенедиктова как поэта, которые стали шаблонными для последующих высказываний Чернышевского, Добролюбова, Садовского. И. Розанов отмечает три главных пункта обвинения: «1) Бенедиктов не поэт. Стихи его – риторика. 2) Он придумывал новые ненужные слова. 3) Многие стихи его непристойны» [11, с. 63]. И этот же литературовед даёт свою характеристику поэзии Бенедиктова, сравнивая её значение с выставленным весной окном: «и в комнату шум ворвался. Но время идёт, пребывания у окна уже недостаточно, хочется в поле на вольный воздух, где нет шумихи, но вековая мощь природы. И невероятным кажется, что ещё так недавно можно было буйно радоваться открытому окну» [11, с. 66].

Теперь кажется очевидным, почему В. Г. Бенедиктов не выдержал испытания временем. Он был калифом на час. И совершенно несправедливо отрицать его заслуги и указывать на его бездарность, тем более что он был по-настоящему удивительным человеком. Не реагировал на нападки критиков, как бы они ни изощрялись в оценке его творений. Бенедиктов был очень скромный, знал свои

силы и не гнался за популярностью. Вопреки всему и всем, он творил с открытыми миру душой и сердцем, при всей возвышенности полёта фантазии был очень земным поэтом, открыто и искренне сказавшим:

*Поэта сердце в дар примите!
Вот вам оно! В нём пышет жар...*

Библиографический список

1. Архангельский, А. Н. Странная гармония (Поэт В. Г. Бенедиктов) / А. Н. Архангельский // В. Г. Бенедиктов. Стихотворения. – М. : Детская литература, 1990. – 127 с.
2. Аронсон, М. И. Литературные кружки и салоны / М. И. Аронсон, С. А. Рейсер. – Л. : Прибой, 1929. – 310 с.
3. Белинский, В. Г. О стихотворениях г. Баратынского / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений : в 13 т. – М., 1953. – Т. 1. – С. 320–328.
4. Вацуро, В. Э. Поэзия 1830-х г.г. / В. Э. Вацуро // История русской литературы : в 4 т. ; АН СССР. Институт русской литературы. – Л. : Наука, 1980–1983. – Т. 2. – От сентиментализма к романтизму и реализму, 1981. – С. 362–379.
5. Гинзбург, Л. Я. Пушкин и Бенедиктов / Л. Я. Гинзбург // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии АН СССР. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. – С. 148–182.
6. Карлгоф, Е. А. «Жизнь прожить – не поле перейти» : Зап. неизвестной / Е. А. Карлгоф // Русский вестник. – 1881. – № 9. – С. 141–149.
7. Кошелев, В. А. «Кудри» и «вальсы». О жизни и творчестве В. Бенедиктова / В. А. Кошелев // Литература в школе. – 1996. – № 5. – С. 23–35.
8. Мельгунов, Б. В. В. Г. Бенедиктов / Б. В. Мельгунов // В. Г. Бенедиктов. Стихотворения. – Петрозаводск : Карелия, 1988. – 205 с.
9. Панаев, И. И. Литературные воспоминания / И. И. Панаев. – М. : Гослитиздат, 1950. – 471 с.
10. Полонский, Я. П. Сочинения В. Г. Бенедиктова / Я. П. Полонский // В. Г. Бенедиктов. Сочинения. Т. 1, 2. – СПб. ; М. : М. О. Вольф, 1902. – 296 с.
11. Розанов, И. Н. Литературные репутации. Работы разных лет / И. Н. Розанов. – М. : Гослитиздат, 1924. – 464 с.
12. Сахаров, В. И. В. Г. Бенедиктов: поэзия и судьба / В. И. Сахаров // В. Г. Бенедиктов. Стихотворения. – М. : Советская Россия, 1991. – 272 с.
13. Шевырев, С. П. Стихотворения Владимира Бенедиктова: Из литературно-критических откликов на стихи Бенедиктова / С. П. Шевырев // В. Г. Бенедиктов. Стихотворения ; [сост., автор предисловия и примечаний А. Н. Архангельский]. – М. : Детская литература, 1990. – 127 с.